

Русское политическое совещание и «польский вопрос» на Парижской мирной конференции в 1919 г.

© И.П. Стрелков

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, 119991, Россия

Исследована позиция белогвардейского Русского политического совещания в Париже по урегулированию финансовых и территориальных вопросов с Польшей во время Парижской мирной конференции 1919 г. Автор стремился вписать эту проблему в исторический контекст, соотнести взгляды представителей Белого движения с требованиями польской делегации и мнением Мирной конференции.

Ключевые слова: Белое движение, «польский вопрос», границы, Парижская мирная конференция.

После событий русской революции 1917 г. и окончания Первой мировой войны в ноябре 1918 г. распались три европейские империи (Германская, Австро-Венгерская, Российская) и принятый державами-победительницами принцип права наций на самоопределение вел к образованию национальных государств в Восточной Европе. Установление границ этих стран стало одной из задач Парижской мирной конференции в течение всего 1919 г.

Сложность состояла в том, что этнические границы не обеспечивали новым государствам безопасность и хозяйственную независимость; напротив, стратегические или экономические соображения при проведении границы нарушали права другой нации [1, с. 9]. Расселение народов было смешанным, городское и сельское население одной области часто различалось этнически.

В результате практически любая граница в регионе была конфликтной зоной. Препятствием для образования «новой Восточной Европы» была Гражданская война в России, не позволявшая определить границы Финляндии, Прибалтики, Польши, Чехословакии, Венгрии и Румынии. Исход Гражданской войны в России влиял на будущий баланс сил в Европе. Союзники были готовы сохранить за Россией ряд ее прежних владений только в обмен на лояльность [2, р. 376].

Разумеется, победа большевиков не устраивала Антанту по многим причинам. Однако и их противник — Белое движение — также вызывал у союзников сомнения в политической состоятельности и надежности. Поэтому осенью 1918 г., в канун открытия Парижской мирной конференции, участие белых правительств в послевоенном переустройстве Европы было под вопросом. Для представления ин-

тересов Белого движения в Париже было создано Русское политическое совещание (РПС). Видную роль в нем играли бывший министр иностранных дел С.Д. Сазонов, посол во Франции В.А. Маклаков, посол в США Б.А. Бахметьев, посол в Италии М.Н. Гирс, председатель первого состава Временного правительства князь Г.Е. Львов, народник Н.В. Чайковский [3, с. 124].

Готовясь к мирной конференции, РПС составило свой проект послевоенных границ России. Одним из важнейших направлений в этой работе был анализ проблем, связанных с Польшей. Польский национальный комитет в Париже (ПНК), образовавшийся под руководством эндека Р. Дмовского в 1917 г., стремился к восстановлению границ Речи Посполитой 1772 г. [4, с. 262]. Поскольку белые рассматривали украинцев и белорусов как ветви русского народа, с их точки зрения, Польша претендовала на этнически русские земли. Поэтому в ноябре 1918 г., когда РПС только создавалось, В.А. Маклаков в беседе с П.Н. Милюковым выделял «польский вопрос» как неотложный [5, с. 311].

Взаимоотношения Белого движения, Польши и Мирной конференции получили освещение в литературе. В работах по Парижской мирной конференции Польша и Белое движение выступают объектом союзнической политики. Советские историки рассматривали Польшу как «орудие» Антанты в борьбе с Советской Россией, и ее враждебность к РСФСР объяснялась в первую очередь классовыми соображениями [6, с. 182]. Такой взгляд на цели Польши не позволял советским ученым конкретизировать позицию Белого движения. Представление о приверженности белых лозунгу «Единой и неделимой России» [7, с. 195] сосуществовало с тезисами о «предательстве» белых, «торговавших» российскими землями [8, с. 4].

Американские историки 60–70-х годов XX в., например, А. Майер и Д. Томпсон, указывали, что Мирная конференция была готова лишить Россию многих территорий, но до определенного момента учитывала и мнение РПС [2, р. 77; 9, р. 286–288]. Позицию Мирной конференции Д. Томпсон считал непоследовательной, а в политике Польши отмечал сочетание антибольшевизма и территориальной экспансии.

Иным был подход у исследователей советско-польской войны. П.Н. Ольшанский показал, что Польша не была просто марионеткой Антанты, а имела собственные задачи. Автор раскрыл разногласия внутри польской политической элиты о путях присоединения литовских, украинских и белорусских земель [10, с. 30]. О.В. Лопатина подтверждает, что польская делегация мало ориентировалась на принцип национальностей [11, с. 138]. Подробно о проектах восстановления Речи Посполитой писал американский историк Н. Дэвис

[12, р. 162]. При общей характеристике советско-польской войны западные историки впадали в крайность, рассматривая ее подчас как столкновение двух цивилизаций [13, с. 88].

Важнейшим вопросом для многих исследователей было отношение Белого движения к независимости Польши. П.Н. Ольшанский [14, с. 112], Н. Дэвис [15, р. 65], И. Полторак [16, с. 146], И.С. Яжборовская [17, с. 132] полагали, что такая угроза существовала. Их аргументация покоилась, как правило, на упоминании краеугольного камня идеологии Белого движения — «единой и неделимой России». Возможно, это связано с влиянием точек зрения мемуаристов. Так, К.Г. Маннергейм вспоминал, что Ю. Пилсудский пошел бы на сотрудничество с А.И. Деникиным, если бы тот признал независимость Польши [18, с. 200]. Об этом сообщал и сам Деникин [19, с. 578]. В последнее десятилетие данный тезис все чаще берется под сомнение. В.А. Зубачевский писал о признании Колчаком независимости Польши [20, с. 59]. О благожелательном отношении РПС к самостоятельности Польского государства упомянул В.Ж. Цветков [21, с. 382].

Несколько в стороне от выделенных групп работ стоит исследование В.Н. Савченко. Автор рассматривает бывшее советско-польское пограничье как особый исторический регион и объясняет, почему сложная этнокультурная специфика края не укладывалась в схему «каждой нации — свое государство» [22, с. 3].

Итак, для советской историографии характерен тезис об антибольшевистском, а не антироссийском характере польской экспансии на восток. В работах историков разных стран и поколений существует мотив виктимизации Польши, который рисует Белое движение как угрозу для ее независимости. Позиция Белого движения представляется как имперская и при этом умозрительная, не имевшая шансов на успех.

В данной статье учитывается, что «польский вопрос» в первой половине 1919 г. носил теоретический характер. На этом этапе Мирная конференция вырабатывала общие подходы к «польскому вопросу», поэтому процесс формирования концепции границы представляет интерес. Требуется проработки и вопрос о степени влияния Белого движения на позицию Мирной конференции, так как основные решения по «польскому вопросу» были приняты уже после поражения белых и ликвидации политического совещания. Наконец, ряд документов позволяет уточнить отношение Белого движения к самому факту независимости Польши.

В качестве источников использованы меморандумы, доклады, записки РПС, польской делегации, стенограммы заседаний Комитета по польским делам при Мирной конференции. Материалы по деятельности РПС сохранились в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Некоторые документы вводятся в науч-

ный оборот впервые. Взгляды польской делегации и Мирной конференции прослеживаются по документальным сборникам.

Позиция РПС по «польскому вопросу» была изложена в меморандуме о восточных границах Польши, направленном на Мирную конференцию 19 апреля 1919 г. [23, л. 8] и в брошюре «Некоторые соображения по вопросу о Великой Польше и Балтийских провинциях» [24]. Детали этого документа разрабатывались военно-морской комиссией и юристом-международником А.Н. Мандельштамом.

Автор меморандума исходил из того, что в будущем Германия будет главным врагом славян и России и Польше придется сдерживать немецкий «натиск на Восток». Поэтому Польша нуждалась во внутреннем единстве и в мире на других границах. Для этого Польское государство должно было быть моноэтничным. «Великая Польша» с границами 1772 г. сравнивалась с Австро-Венгрией [23, л. 9]. Параллель с недавним врагом, распавшейся империей, имела явно негативную смысловую нагрузку. Меморандум обходил проблему западных границ Польши, хотя сотрудник МИД Омского правительства и бывший консул в Праге В.Г. Жуковский предлагал включить в ее состав ряд земель с немецким населением [25, л. 46]. Этническая однородность населения на западе Польши была не столь принципиальна для Белого движения. Как признавал в мемуарах С.Д. Сазонов, призыв к созданию мононационального Польского государства означал выгодную для России русско-польскую границу, но сталкивал Германию и Польшу на западе [26, с. 372].

Будущие отношения между Россией и Польшей РПС, как и Временное правительство, представляло в виде «свободного военного союза» [27, л. 84], что соответствовало идеям неослави́ста К. Крамаржа [28, с. 287]. Конкретных требований по заключению этого союза РПС не выдвигало. Кроме границ на конференции РПС предполагало определить польскую долю во внешнем долге России. Материалы, подготовленные экономистами Н.Л. Рафаловичем и В.М. Фелькнером¹ для финансово-экономической комиссии при РПС, интересны тем, как в них трактуется статус Польши.

В докладе «Распределение государственного долга» Н.Л. Рафалович внешне не выделял Польшу из числа других частей России, которые, как он думал, могут отделиться. Помимо Польши, это Кавказ, Прибалтика, Литва и Бессарабия. Н.Л. Рафалович полагал, что для вопроса о долге безразлично, остается ли та или иная область в составе России или нет [29, л. 37]. По сути же, он понимал, что Польша фактически уже стала независимым государством [29, л. 38]. Процент

¹ Экономист, до 1917 — член ЦСК, агент министерства торговли в ряде стран, с 1918 г. — член финансово-экономической комиссии при РПС.

польского долга он высчитал, исходя из доли населения Царства Польского в населении России [29, л. 38]. Н.Л. Рафалович рекомендовал требовать от Польши возмещение за государственные железные дороги, казенные учреждения, укрепления и т. д. [29, л. 59].

В.М. Фелькнер считал Польшу частью России лишь до момента публикации воззвания Временного правительства [30, л. 2]. Поэтому Польша не отвечала за займы, произведенные после падения монархии. Долг Польши В.М. Фелькнер вычислял иным способом, чем Н.Л. Рафалович [30, л. 8]. Он брал за основу долю Царства Польского в государственных доходах России, оценивая ее в 10 %. Ученый ожидал от Польши встречных требований и считал необходимым таким образом перестраховаться.

В меморандуме 19 апреля 1919 г. финансовые вопросы не поднимались, и эти материалы до союзников, скорее всего, не дошли. Тем не менее, из них видно, что для финансово-экономической комиссии РПС независимость Польши была свершившимся фактом. Более острым был территориальный вопрос. Политическое совещание признавало абсолютное преобладание поляков во всем Царстве Польском и в Западной Галиции [31, л. 1]. Спор с его стороны шел вокруг Сувалкской и Холмской губерний, а также Восточной Галиции.

Проведение границы между Россией и Польшей по этническому признаку было сложной задачей. Представление о «своей» национальной территории у политических и культурных элит восточноевропейских народов было достаточно абстрактным и многовариантным [32, с. 170]. Зачастую несколько народов претендовало на одну и ту же область [32, с. 9], ссылаясь на этнографические и культурно-исторические причины.

Эти наблюдения относятся и к нашей проблеме. Западные окраины Белоруссии и Украины имели смешанный этнический состав. Национальное самосознание восточнославянского населения порой подменялось конфессиональным и социальным [22, с. 3]. Крестьянин мог быть католиком и считать себя поляком, но говорить «по-русски»², а польский язык называть «панским» [22, с. 25]. В.Н. Савченко отмечает, что такое «польское» самосознание вовсе не означало приверженность польскому национализму [22, с. 26]. Сохранялась региональная самоидентификация у «переходных» этнографических групп, таких, как курпики в Сувалкской губернии, галицкие мазуры и т. п. [22, с. 28].

Выводы ученых о соотношении и расселении национальностей зависели от избранного критерия. Главным признаком этнической

² Термин «русские» дается в кавычках, когда приводятся упоминания украинцев и белорусов в белогвардейских и союзнических источниках.

принадлежности населения можно было считать либо язык, либо вероисповедание, либо материальную и духовную культуру. Так как среди населения, говорившего «по-русски», было немало католиков, то польские статистики применяли религиозный фактор. Российские ученые главными считали данные по языку.

Итак, состояние научных знаний о населении пограничья осложняло применение «принципа самоопределения». Вместе с тем создание Польского государства на бесспорно польских этнических землях упоминалось как в программе Вильсона, так и в воззвании Временного правительства [33, с. 106]. Поэтому избежать применения этнографического подхода при определении русско-польской границы было невозможно.

Остановимся подробнее на Восточной Галиции. Эта область с населением около 5 млн жителей имела природные богатства (нефть) и занимала важное стратегическое положение. В России восточнославянское население области было принято считать русским, исходя из ее истории и оставшегося этнонима «русин». Присоединение Галиции еще до Первой мировой войны пропагандировалось как завершение «собираания русских земель» [34, с. 3, 4]. Поляки апеллировали к большой доле польского населения в городах, историческому прошлому области, влиянию польской культуры. Наконец, Восточная Галиция была центром украинского национального движения, однако Политическое совещание этот факт практически игнорировало в своей подготовительной работе.

ПНК предлагал доводы этнографического, исторического и географического характера. В меморандуме польской делегации к Мирной конференции (май 1919 г.) утверждалось, что поляки — автохтонное население Восточной Галиции, а русины — пришлое [35, р. 205]. Соотношение национальностей на 1919 г. давалось для Галиции в целом, как Западной, так и Восточной: из 8 млн населения 59 % составляли поляки, 40 % — русины и 1 % — немцы и др. Однако упоминание о еврейском населении, которое в 1890 г. оценивалось в 772 213 чел. [36, с. 908], отсутствует. Таким образом, в меморандуме сведения о национальном составе подменялись языковыми данными. Меморандум признавал численное преобладание русин в крае [35, р. 207], но подчеркивалось, что поляки в Галиции играют роль просветителей как более «культурная» нация [35, р. 209–212].

Польский меморандум имел двойную цель: с одной стороны, закрепить за Польшей всю Галицию, с другой — оставить возможность для присоединения земель, находящихся восточнее. Приводимые обоснования противоречили друг другу. Если первое требование объяснялось тем, что Галиция и Украина — совершенно разные территории, разделенные «естественным барьером» [35, р. 214], то для

достижения второго сообщалось, что между Саном и Днепром нет этнографических границ. При этом не пояснялось, какой же все-таки народ живет в этих пределах [35, р. 206]. Концентрация поляков Восточной Галиции не на западе края, а во Львове и в Тернополе тоже трактовалась как основание для передачи всей области Польше. Далее обосновывались права Польши на Подолию.

Польский меморандум был критически изучен в РПС. Материалы совещания показывали, что в уездах между Львовом и Западной Галицией поляки преобладали только в Ярославле и Бжозове (66,8 % против 32 % и 87,9 % против 12,1 %), а соотношение в остальных колебалось от 54,4% против 45,4 % в пользу поляков до 51,4 % против 48,1 % в пользу «русских» [31, л. 3]. К северу от Львова «русские» составляли 67 % населения, и лишь 32 % — поляки. Польское большинство на восточной окраине Галиции имелось только в Тернопольском уезде (52 %), не имевшем общей границы с Львовским уездом. В целом на востоке региона основное население составляли «русские» (59 %) [31, л. 3]. Это говорило не только о распыленности польского населения края, но и об отсутствии крупных районов с польским большинством.

Критике подверглись и прочие доводы, касавшиеся роли польской культуры в крае. Ее преобладание объяснялось экономическим господством поляков, эмиграцией русинского населения ввиду тяжелого экономического положения [31, л. 5].

Вопрос о конкретной пограничной линии РПС оставило открытым [31, л. 2]. Тем не менее, существенно, что эта записка, как и другие подобные материалы [37], посвящена только Восточной Галиции, хотя имелись сведения о восточнославянском населении в Западной Галиции вплоть до Кракова [22, с. 42, 57]. Это были небольшие островки, но теоретически и их можно было использовать в качестве аргументов.

Позиция Мирной конференции по принадлежности Восточной Галиции зависела не только от этнографической ситуации, в которой ее участники разбирались плохо. Скорее союзники исходили из стратегических соображений. Весной 1919 г. Красная Армия, разбив войска Украинской Директории, приближалась к Галиции. Возникла опасность соединения русских и венгерских большевиков. Поэтому союзники нуждались в утверждении в Галиции власти дружественной им державы и 25 июля 1919 г. передали край во временное управление Польше, считая, что только она могла поддержать там «порядок» [38, р. 742].

Весной 1919 г. союзники не принимали всерьез перспективу создания независимой Украины. Британский премьер Ллойд-Джордж отзывался об Украине как о немецком проекте, В. Вильсон считал,

что она должна быть автономной частью России [9, р. 7]. Две главные точки зрения — британская и французская — базировались на передаче Галиции либо «возрожденной» России, либо Польше. Британцы указывали, что население края не хочет автономии в составе Польши, а стремится к воссоединению с Россией, поэтому нужно оставить возможность такого исхода. Комиссия по польским делам во главе с видным французским дипломатом Ж. Камбоном заявляла о невозможности ждать восстановления России [38, р. 732, 790].

В.Н. Савченко обратил внимание, что союзные державы соперничали между собой из-за контроля над галицийской нефтью. Англичане, возражая против передачи нефтеносного района Польше, указывали на антипольские настроения большинства населения Галиции. В свою очередь, французы говорили о наличии «польского» населения и к востоку от Львова, хотя в основном это были русины-католики или крещеные евреи. Вопрос о нефтяной зоне превалировал над этническим аспектом [22, с. 133].

К северу от Галиции лежала Холмщина. До XIV в. область находилась в составе русских земель, позже была частью Речи Посполитой и Царства Польского. В 1912 г. край был выделен из уездов Седлецкой и Люблинской губерний в отдельную Холмскую губернию и выведен из состава Царства Польского. Большая часть «русского» населения края принадлежала к униатской церкви, но в 1875 г. униатов обязали принять православие. В 1905 г. была разрешена свобода вероисповедания, масса (до 200 000 чел. при общем населении более 800 000 чел.) православных перешла в католицизм.

Хотя религиозный фактор влиял на национальное самоопределение населения края, его нельзя абсолютизировать, как это делали польские этнографы и политики. Перепись 1897 г. показала, что в восточной части Холмской губернии немалая часть католиков говорила «по-русски», сохраняя черты непольского самосознания. В то же время современные российские исследователи не отрицают, что распространение католичества вело иногда к полонизации [39]. Во время Первой мировой войны российские, а затем австрийские власти эвакуировали «русских», что сильно сократило их численность к 1919 г. [40].

В польских меморандумах 1919 г. Холмщина не фигурирует как спорная территория. Видимо, польские политики не считали ее предметом обсуждения. РПС относил Холмщину к области расселения «русских» и требовало ее сохранения в составе России. Проблема была в том, как проводить границу. Военно-морская комиссия, изучавшая вопрос, не располагала статистикой по национальностям для территориальных единиц меньше уезда на 1897 г., когда не было отдельной Холмской губернии [41, л. 1]. В 1912 г. границы уездов, вошедших в состав новой губернии, изменились, и комиссия не имела

сведений по распределению национальностей в них. Существовало два варианта: провести границы по рубежам уездов до 1912 г. или принять западную границу Холмской губернии в качестве государственной. Эти два варианта и стали предметом изучения в комиссии.

Для анализа использовались данные Варшавского статистического комитета за 1905 г. о составе населения гмин будущей Холмской губернии по вероисповедному признаку и прикладывались к численности населения губернии в 1913 г. Комиссия учитывала, что если почти все православные — «русские», то и немалая часть католиков — не поляки [41, л. 4]. Такое утверждение несколько компенсировало то, что в записке игнорировались процессы, произошедшие после 1905 г., но не охватывало случаи, когда принятие населением католичества означало постепенную полонизацию.

Для выяснения оптимальной линии специалисты РПС сравнили, сколько «русских» останется в бывшем Царстве Польском при соблюдении первого и второго вариантов. Первый вариант оставлял в Польше 514 314 «русских», второй — всего 337 842. Исходя из этого, комиссия предлагала принять западную границу Холмской губернии в качестве государственной [41, л. 6].

В свою очередь, союзнический Комитет по польским делам считал, что поляки в Холмщине составляли большинство, а сама территория была до 1912 г. частью Польши. Особое внимание было обращено на то, что малорусская часть населения живет «в гармонии» с поляками [38, р. 791]. Холмщину было решено оставить Польше, а ее восточная граница становилась частью временной русско-польской границы, утвержденной Верховным советом Антанты 8 декабря 1919 г.

Принадлежность западных уездов Гродненской губернии вызвала более острые споры в Комитете по польским делам. Провести рубеж восточнее общей линии Дрогочин — Боцьки — Бельск — Соколка было трудно из-за преобладания там «русского» населения [38, р. 238]. Поэтому, по предварительным планам Комитета, Белосток переходил Польше, а Гродно и Брест-Литовск — России. Представители Франции напомнили о важности Гродно и Брест-Литовска для обороны Польши. Делегаты от Англии и Италии возразили, что эти пункты в равной степени важны и для России, однако французы добились передачи Гродно Польше [38, р. 237].

Мирная конференция ориентировалась в основном на границу бывшего Царства Польского. Допускались лишь небольшие отступления, как в пользу России, так и в пользу Польши. Например, Комитет по польским делам делил Сувалкскую губернию на польскую и литовскую части по линии к северу от Сувалок, между пунктами Вижайны — Пунск [35, р. 235].

Позиция РПС по этому участку границы также состояла из аргументов этнографического и стратегического плана. А. Мандельштам,

опираясь на довоенную польскую статистику, писал о преимущественно «русском» населении Гродненской губернии, не предлагая вариантов ее раздела [37, л. 9]. Стратегические доводы предложил генерал Ф.Ф. Палицын³. Он ссылаясь на отсутствие у Литвы четких этнических границ, смешанный характер ее населения [42, л. 2]. Литва имела значение для обороны Центральной России и Прибалтики. По ее территории проходили важные железные дороги (в первую очередь Петроград — Варшава и линии на Либаву). Палицын, как и члены Комитета по польским делам, понимал важность железных дорог Белоруссии, сходящихся в Полесье и соединявших возможные северный и южный театры военных действий [43, л. 417]. В отличие от Мирной конференции, РПС предлагало передать Сувалкскую губернию России полностью [43, л. 420].

Однако совещанию пришлось столкнуться с претензиями польской стороны на всю территорию Литвы и Белоруссии. Они тоже строились на некоторых этнографических данных. Русской статистике поляки не доверяли [35, р. 165]. Обращаясь к германской статистике 1916 г., они ссылались на преобладание польского элемента в Виленской и Гродненской губерниях (56,5 % и 55 %). В то же время, по данным «Малой польской энциклопедии», в Виленской губернии было 26,5 % поляков, а в Гродненской — 17 %. В Могилевской, Витебской и Минской губерниях процент поляков был еще ниже — 7,48 % [37, л. 9]. Цифры, приведенные в книге Р. Дмовского «Германия, Россия и польский вопрос», к которой обращался А. Мандельштам, также значительно ниже показателей переписи 1916 г. [44, с. 27].

В таких условиях Польша не могла претендовать на «восточные креслы» в силу этнографических данных. Поэтому вводился «культурный» аспект: доказывалось, что этнически непольские территории находятся под влиянием польской «цивилизации». В меморандуме ПНК утверждалось, что поляки в Литве и во всей Белоруссии — такое же автохтонное население, как литовцы и белорусы, а сами белорусы имеют «польские корни» и близкий польскому язык [35, р. 165]. Материалы делегации обходили вопрос о существовании белорусской нации, а только указывали на ее близость к польской культуре и удаленность от русской [35, р. 165].

Польская делегация обращала внимание на деструктивные стороны царской политики в Белоруссии, русификацию и неэффективные экономические меры [35, р. 169, 172]. Как одно из доказательств приводилась слабая плотность железнодорожной сети. Здесь Белоруссия соотносилась с Англией, Францией, Германией и Италией

³ Военно-исторический и статистический комитет образован под председательством генерала Ф.Ф. Палицына в Париже по указу А.И. Деникина в ноябре 1918 г. В начале 1919 г. преобразован в военно-морскую комиссию при РПС.

[35, р. 169], хотя такое сравнение было не в пользу любой другой части России. В то же время Европейскую Россию Белоруссия обгоняла по этому показателю почти в 2 раза [45, с. 195]. Меморандум заключал, что Россия не нуждается в регионе экономически [35, р. 173]. Перспективы хозяйственного развития страны в случае ее присоединения к Польше рисовались «блестящими» [35, р. 173]. Даже особенности речной системы трактовались в пользу Польши: якобы Западный Буг соединял Белоруссию с Польшей, а Днепр, наоборот, отделял ее от России [35, р. 169].

Польская делегация считала Литву и Белоруссию «зоной исторической ответственности» Польши, выполнявшей цивилизаторскую миссию на востоке Европы. Рубежи Речи Посполитой выдавались за границы национального Польского государства. Понимая слабость этих доводов, ПНК стремился создать негативный образ России, изображая политику империи в Северо-Западном крае как намеренно деструктивную. В таком ракурсе Польша должна была предстать как меньшее из двух зол.

РПС отрицало первенство исторического подхода, признавая его только вместе с этнографическими данными [37, л. 14]. С экономической точки зрения, РПС указывало на прочные связи Литвы, Белоруссии и России: лен из этих областей шел на текстильные фабрики центрального промышленного района, лес сплавлялся на юг по Припяти и Днепру, а хлеб и промышленные изделия ввозились из России [46, л. 1, 5]. «Цивилизаторскую роль» поляков РПС считало насильственной полонизацией, осуществленной в Средние века [37, л. 15]. Все это не служило основанием для передачи Литвы и Белоруссии Польше.

Мирная конференция осторожно относилась к широким претензиям Польши. С одной стороны, война на спорных территориях не позволяла опросить местное население о его самоопределении. Сведения, которые конференция получала, в том числе и от РПС, говорили против расширения Польши на восток. Показательно, что помощник управляющего департаментом политической разведки Фортин Оффис Д. Хидлам-Морли, изучавший проблему границ, доказывал представителю польской делегации Сокольскому, что излишнее расширение Польши к востоку ослабит ее политически [47, р. 106]. Возможно, Д. Хидлам-Морли опирался на консультацию с Сазоновым и Маклаковым, которая состоялась за день до его беседы с Сокольским [48].

С другой стороны, польская армия на востоке воевала с большевиками, а исход Гражданской войны в России не был ясен. Поэтому союзники соглашались на плебисцит на территориях к востоку от «линии Керзона», установленной 8 декабря 1919 г. Эта линия, в целом совпадающая с современной восточной границей Польши, пред-

лагалась союзниками и на конференции в Спа (5–16 июля 1920 г.) и, ввиду советского наступления, была временно принята польской стороной. Мирная конференция в течение всего 1919 г. занимала выжидательную позицию в русско-польском конфликте. К более энергичной политике Антанта перешла уже в 1920 г., в условиях обострения событий на советско-польском фронте.

Анализ «польской программы» Политического совещания, ее сравнение с позицией Мирной конференции и польской делегации позволяет сделать некоторые выводы. Понимание белыми будущих русско-польских отношений основывалось на представлении о необходимости «славянского единения» против «угрозы германизма». Для обеспечения этого единства требовалось сгладить углы противоречий между Россией и Польшей. Выход совещание видело в форме компромисса: Россия признавала независимость Польши, а та отказывалась от восстановления границ Речи Посполитой. Такое решение, по мнению РПС, исключило бы почву для конфликтов между двумя странами.

Позиция ПНК состояла в требовании восстановления территории Польши до раздела 1772 г. с определенными коррективами. В основе этих претензий лежало представление о праве Польши на обладание всеми территориями с компактным польским населением, где ощущалось его культурное или экономическое влияние. Восточных славян на спорных землях поляки считали нерусскими, но избегали точных оценок их этнокультурной принадлежности. Взгляды двух делегаций коренным образом расходились.

Концепции Комитета по польским делам и РПС мало противоречили друг другу. И союзники, и Политическое совещание придерживались этнографического принципа при проведении русско-польской границы, опасаясь, что расширение Польши на восток приведет к войне. События сентября 1939 г. показали, что подобная оценка была дальновидной. Препятствием для практической реализации этого потенциала явилось не принципиальное желание Антанты «расчленив Россию», а военное поражение Белого движения в конце 1919 г.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Гришина Р.П., Мальков В.Л., ред. *Версаль и новая Восточная Европа*. Москва, ИСБ РАН, 1996, 280 с.
- [2] Thompson J.M. *Russia, bolshevism and the Versailles peace*. Princeton, Princeton University press, 1967, 429 p.
- [3] Кононова М.М. *Русские дипломатические представительства в эмиграции (1917–1925 гг.)*. Москва, Ин-т всеобщ. истории РАН, 2004, 237 с.
- [4] *Документы и материалы по истории советско-польских отношений*. В 8 т. Т. 2, 3. Москва, Наука, 1964.
- [5] *Дневник П.Н. Милюкова*. Москва, РОССПЭН, 2005, 845 с.

- [6] Штейн Б.Е. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919–1920 гг.). Москва, Образцовая тип. им. Жданова, 1949, 464 с.
- [7] Иоффе Г.З. *Колчаковская авантюра и ее крах*. Москва, Мысль, 1983, 294 с.
- [8] Азовцев Н.Н. *Гражданская война в СССР. В 2 т., т. 1*. Москва, Воениздат, 1980, 368 с.
- [9] Mayer A. *Politics and diplomacy of peacemaking*. New York, Knopf, 1967, 918 p.
- [10] Ольшанский П.Н. *Советско-польские отношения в 1918–1924 гг.* Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Москва, 1972, 57 с.
- [11] Лопатина О.В. Дмовский и Падеревский на Мирной конференции 1919 г. в Париже. *История и историография зарубежного мира в лицах*. Самара, Самарский университет, 2001, 181 с.
- [12] Davies N. *Histoire de la Pologne*. Paris, Fayard, 1990, 542 p.
- [13] Остапенко А.И. Англо-американская историография советско-польской войны 1919–1920. *Вестник Московского университета*, 1992, сер. 8, № 3, с. 79–88.
- [14] Ольшанский П.Н. *Рижский мир: Из истории борьбы Советского правительства за установление мирных отношений с Польшей (конец 1918 — март 1921 г.)*. Москва, Наука, 1969, 260 с.
- [15] Davies N. *White eagle, red star*. London, Pimlico, 1972, 320 p.
- [16] Полторак И. *Победоносное поражение*. Санкт-Петербург, Терция, 1994, 206 с.
- [17] Яжборовская И.С. *Россия и Польша. Синдром войны 1920 г.: 1914 — 1918 — 1920 — 1987 — 2004*. Москва, Academia, 2005, 403 с.
- [18] Маннергейм К.Г. *Мемуары*. Москва, Астрель, 2011, 571 с.
- [19] Деникин А.И. *Очерки русской смуты. Кн. 3. Т. 5*. Москва, АСТ-Пресс, 2005, 832 с.
- [20] Зубачевский В.А. Геополитическая ситуация на востоке Центральной Европы накануне и в период работы Парижской мирной конференции. В кн.: *Восточная Европа после «Версаля»*. Москва, Алетея, 2007, 244 с.
- [21] Цветков В.Ж. *Белое дело в России. 1919 год*. Москва, Посев, 2009, 635 с.
- [22] Савченко В.Н. *Восточнославянско-польское пограничье 1918–1921*. Москва, ИСБ, 1995, 195 с.
- [23] ГАРФ. Ф. Р-5805, оп. 1, д. 292.
- [24] *Quelques considérations sur la question de la Grande Pologne et des Côtes de la Baltique*. Paris, Fournier, 1919, 10 p.
- [25] ГАРФ. Ф. Р-200, оп. 1, д. 601.
- [26] Сазонов С.Д. *Воспоминания*. Париж, Издательство Е. Сияльской, 1927, 398 с.
- [27] ГАРФ. Ф. Р-200, оп. 1, д. 600.
- [28] Серапионова Е.П. *Карел Крамарж и Россия 1890–1937*. Москва, Наука, 2006, 510 с.
- [29] ГАРФ. Ф. Р-3703, оп. 1, д. 10.
- [30] ГАРФ. Ф. Р-5805, оп. 1, д. 302.
- [31] ГАРФ. Ф. Р-5936, оп. 1, д. 191.
- [32] Миллер А.И. *Империя Романовых и национализм*. Москва, Новое литературное обозрение, 2008, 240 с.
- [33] Додонов Б.Ф., ред. *Журналы заседаний Временного правительства: март-октябрь 1917 г. Т.1. Март-апрель 1917 г.* Москва, РОССПЭН, 2001, 447 с.
- [34] Манасеин И. *К вопросу об установлении идеальной границы на западе России. Доклад, прочитанный в общем собрании «Галицко-Русского Благотворительного общества в Санкт-Петербурге 19 января 1913 г.* Санкт-Петербург, Типография императорского училища глухонемых, 1913, 23 с.
- [35] *La Paix de Versailles. Les questions territoriales. Tchécoslovaquie. Pologne. Ukraine. Roumanie. Yougoslavie*. Paris, Edition internationale, 1939, 495 p.

- [36] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 86 т., т. 14. *Вехи*. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/> (дата обращения: 28.03.2016).
- [37] *ГАРФ*. Ф. Р-8313, оп. 1, д. 23.
- [38] *Documents on British foreign policy. Vol. 1. Ser. 1*. London, Her Majesty's stationery office, 1947, 969 p.
- [39] Скляров С.А. Польско-украинский территориальный спор и великие державы в 1918–1919 гг. *Исторический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова*. URL: www.hist.msu.ru/labs/UkrBel/sklarov.html (дата обращения: 28.03.2016).
- [40] Скляров С.А. Определение польско-украинской границы на Парижской мирной конференции. *Версаль и новая Восточная Европа. Сборник статей*. Москва, 1996, с. 136–158.
- [41] *ГАРФ*. Ф. Р-5936, оп. 1, д. 187.
- [42] *ГАРФ*. Ф. Р-5834, оп. 1, д. 7.
- [43] *ГАРФ*. Ф. Р-5834, оп. 1, д. 5.
- [44] Дмовский Р. *Германия, Россия и польский вопрос*. Санкт-Петербург, Н.П. Карбасников, 1909, 292 с.
- [45] *Экономика Белоруссии в эпоху империализма*. Минск, Изд-во Академии наук БССР, 1963, 422 с.
- [46] *ГАРФ*. Ф. Р-454, оп. 1, д. 57.
- [47] Headlam-Morley J. *A memoire of the Paris Peace Conference*. London, Muthuen, 1972, 20 p.
- [48] *ГАРФ*. Ф. Р-200, оп. 1, д. 264.

Статья поступила в редакцию 18.04.2016

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Стрелков И. П. Русское политическое совещание и «польский вопрос» на Парижской мирной конференции в 1919 г. *Гуманитарный вестник*, 2016, вып. 3.

<http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2016-03-348>

Стрелков Иван Павлович — аспирант кафедры «Отечественная история XX в.» МГУ им. М.В. Ломоносова, сотрудник ГБОУ СОШ № 171. Сфера научных интересов — история Белого движения, Версальский мир, международные отношения в Восточной Европе после Первой мировой войны. e-mail: mathist@mail.ru

Russian political meeting and the “Polish issue” at the Paris Peace Conference in 1919

© I.P. Strelkov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russia

The article studies the position of the White Guard Russian meeting in Paris to resolve the financial and territorial problems with Poland at the Paris Peace Conference of 1919. We tend to include this problem in a historical context, relate the views of the White movement representatives to the Polish delegation requirements and the Peace Conference point of view.

Keywords: *the White movement, Polish issue, border, Paris Peace Conference.*

REFERENCES

- [1] Grishina R.P., Malkov V.L., eds. *Versal i novaya Vostochnaya Evropa* [Versailles and the new Eastern Europe]. Moscow, Slavic and Balkan Studies Institute of the Russian Academy of Sciences Publ., 1996, 280 p.
- [2] Thompson J.M. *Russia, bolshevism and the Versailles peace*. Princeton, Princeton University Press Publ., 1967, 429 p.
- [3] Kononova M.M. *Russkie diplomaticheskie predstavitelstva v emigratsii (1917–1925)* [Russian diplomatic missions in exile (1917–1925)]. Moscow, Institute of Universal History of the Russian Academy of Sciences Publ., 2004, 237 p.
- [4] *Dokumenty i materialy po istorii sovetsko-polskikh otnoshenii* [The documents and materials on the history of Soviet-Polish relations]. In 8 vols. Vol. 2, 3. Moscow, Nauka Publ., 1964.
- [5] Milyukov P.N. *Dnevnik* [Diary]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2005, 845 p.
- [6] Shtein B.E. “*Russkii vopros*” na Parizhskoy mirnoy konferentsii (1919–1920) [“Russian issue” at the Paris Peace Conference (1919–1920)]. Moscow, Pervaya Obraztsovaya Tipografiya im. A.A. Zhdanova Publ., 1949, 464 p.
- [7] Ioffe G.Z. *Kolchakovskaya avantюра i ee krakh* [Kolchak adventure and its collapse]. Moscow, Mysl Publ., 1983, 294 p.
- [8] Azovtsev N.N. *Grazhdanskaya voina v SSSR* [The Civil War in the USSR]. In 2 vols. Vol. 1. Moscow, Voenizdat Publ., 1980, 368 p.
- [9] Mayer A. *Politics and diplomacy of peacemaking*. New York, Knopf, 1967, 918 p.
- [10] Olshanskii P.N. *Sovetsko-polskie otnosheniia v 1918–1924*. Dis. ... dokt. istor. nauk [Soviet-Polish relations in 1918–1924. Dr. hist. sci. diss.]. Moscow, 1972, 57 p.
- [11] Lopatina O.V. *Dmovskii i Paderevskii na Mirnoi konferentsii 1919 v Parizhe* [Dmovskii i Paderevskii at the Peace Conference in Paris in 1919]. Samara, Samara University Publ., 2001, 181 p.
- [12] Davies N. *Histoire de la Pologne* [History of Poland]. Paris, Fayard Publ., 1990, 542 p.
- [13] Ostapenko A.I. *Vestnik Moskovskogo Universiteta — Moscow State University Bulletin*, 1992, no. 3, pp. 79–88.
- [14] Olshanskii P.N. *Rizhskii mir: iz istorii borby Sovetskogo pravitelstva za ustanovlenie mirnykh otnoshenii s Polshei (konets 1918 – mart 1921)* [Riga World: from the history of the Soviet Government struggle for the establishment of peaceful relations with Poland (end of 1918 – March 1921)]. Moscow, Nauka Publ., 1969, 260 p.

- [15] Davies N. *White eagle, red star*. London, Pimlico Publ., 1972, 320 p.
- [16] Poltorak I. *Pobedonosnoe porazhenie* [Victorious defeat]. St. Petersburg, Terciya Publ., 1994, 206 p.
- [17] Yazhborovskaya I.S. *Rossiya i Polsha. Sindrom voiny 1920: 1914 – 1918 – 1920 – 1987 – 2004* [Russia and Poland. War Syndrome: 1920: 1914 – 1918 – 1920 – 1987 – 2004]. Moscow, Academia Publ., 2005, 403 p.
- [18] Mannergeim K.G. *Memuary* [Memoirs], Moscow, Astrel Publ., 2011, 571 p.
- [19] Denikin A.I. *Ocherki russkoi smuty* [Essays on Russian turmoil]. Book 3, vol. 5. Moscow, AST-Press Publ., 2005, 832 p.
- [20] Zubachevskii V.A. *Geopoliticheskaya situatsiya na vostoche Tsentralnoi Evropy na kanune i v period raboty Parizhskoi miroi konferentsii. Vostochnaya Evropa posle Versalya* [The geopolitical situation in the east of Central Europe before and during the operation of the Paris Peace Conference. Eastern Europe after the "Versailles"]. Moscow, Aleteiya Publ., 2007, 244 p.
- [21] Tsvetkov V.Zh. *Beloe delo v Rossii. 1919* [White case in Russia. 1919]. Moscow, Posev Publ., 2009, 635 p.
- [22] Savchenko V.N. *Vostochnoslavyansko-polskoe pogranichie 1918–1921* [East Slavic-Polish borderland 1918–1921]. Moscow, Slavic and Balkan Studies Institute of the Russian Academy of Sciences Publ., 1995, 195 p.
- [23] *Gosudarstvennii arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF) — State Archive of the Russian Federation*, F. R-5805, opis 1, d. 292.
- [24] *Quelques considérations sur la question de la Grande Pologne et des Côtes dela Baltique* [Some considerations on the issue of the Great Poland and the Baltic Coast]. Paris, Fournier Publ., 1919, 10 p.
- [25] *Gosudarstvennii arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF) — State Archive of the Russian Federation*, F. R-200, opis 1, d. 601.
- [26] Sazonov S.D. *Vospominaniya* [Memories]. Paris, Tanais Publ., 1927, 398 p.
- [27] *Gosudarstvennii arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF) — State Archive of the Russian Federation*, F. R-200, opis 1, d. 600.
- [28] Serapionova E.P. *Karel Kramarzh i Rossiya 1890–1937* [Karel Kramář and Russia 1890–1937]. Moscow, Nauka Publ., 2006, 510 p.
- [29] *Gosudarstvennii arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF) — State Archive of the Russian Federation*, F. R-3703, opis 1, d. 10.
- [30] *Gosudarstvennii arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF) — State Archive of the Russian Federation*, F. R-5805, opis 1, d. 302.
- [31] *Gosudarstvennii arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF) — State Archive of the Russian Federation*, F. R-5936, opis 1, d. 191.
- [32] Miller A.I. *Imperiya Romanovykh i natsionalizm* [Romanov Empire and Nationalism]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008, 240 p.
- [33] Dodonov B.F., ed. *Zhurnaly zasedanii Vremennogo pravitelstva: mart–oktyabr 1917, mart–aprel 1917* [Journals of the Provisional Government meetings: March–October 1917, March–April 1917]. Vol. 1. Moscow, Rosspen Publ., 2001, 447 p.
- [34] Manasein I. *K voprosu ob ustanovlenii idealnoi granitsy na zapade Rossii*. [To the problem of establishing the ideal boundary in the West of Russia]. St. Petersburg, Tipografiya imperatorskogo uchilishcha glukhonemykh Publ., 1913, 23 p.
- [35] *La Paix de Versailles. Les questions territoriales. Tchecoslovaquie. Pologne. Ukraine. Roumanie. Yougoslavie* [Peace of Versailles. Territorial issues. Czechoslovakia. Poland. Ukraine. Romania. Yugoslavia]. Paris, Edition international Publ., 1939, 495 p.

- [36] Entsiklopedicheskii slovar Brokgauza i Efrona — Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary. Vol. 14 (86). *Vekhi*. Available at: <http://www.vehi.net/brokgauz/> (accessed March 28, 2016).
- [37] *Gosudarstvennii arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF) — State Archive of the Russian Federation*, F. R-8313, opis 1, d. 23.
- [38] *Documents on British foreign policy*. Vol. 1. S. 1. London, Her Majesty's Stationery Office Publ., 1947, 969 p.
- [39] Sklyarov S.A. *Polsko-ukrainskii territorialnyi spor i velikie derzhavy v 1918–1919*. [Polish-Ukrainian territorial dispute and the great states in 1918–1919]. Faculty of History, Lomonosov Moscow State University. Available at: www.hist.msu.ru/labs/UkrBel/sklarov.html (accessed March 28, 2016).
- [40] Sklyarov S.A. *Opreделение polsko-ukrainskoi granitsy na Parizhskoi mirnoi konferentsii* [Determination of the Polish-Ukrainian border at the Paris Peace Conference]. Moscow, MSU Publ., Collection of articles, 1996, pp. 136–158.
- [41] *Gosudarstvennii arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF) — State Archive of the Russian Federation*, F. R-5936, opis 1, d.187.
- [42] *Gosudarstvennii arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF) — State Archive of the Russian Federation*, F. R-5834, opis 1, d. 7.
- [43] *Gosudarstvennii arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF) — State Archive of the Russian Federation*, F. R-5834, opis 1, d. 5.
- [44] Dmovskii R. *Germaniya, Rossiya i polskii vopros* [Germany, Russia and the Polish issue]. St. Petersburg, N.P. Karbasnikov Publ., 1909, 292 p.
- [45] *Ekonomika Belorussii v epokhu imperializma* [The economy of Belarus in the epoch of imperialism]. Minsk, Byelorussian Academy of Sciences Publ., 1963, 422 p.
- [46] *Gosudarstvennii arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF) — State Archive of the Russian Federation*, F. R-454, opis 1, d. 57.
- [47] Headlam-Morley J.A. *Memoire of the Paris Peace Conference* [A memory of the Paris Peace Conference], London, Muthuen Publ., 1972, 20 p.
- [48] *Gosudarstvennii arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF) — State Archive of the Russian Federation*, F. R-200, opis 1, d. 264.

Strelkov I.P., post-graduate, Lomonosov Moscow State University, Department of the Contemporary Russian History, employee of the state budgetary educational institution School 171. Research interests include history of the White movement, Versailles Treaty of Peace, international relations in Eastern Europe after the First World War. e-mail: mathist@mail.ru